
Самсон Гелхвидзе
ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
РОМАН
18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
- Историко-философский роман

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ - Историко-философский роман / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«Последнее путешествие» — это художественное повествование о судьбе Данте Алигьери, великого поэта, чья жизнь стала отражением драматической эпохи и непрекращающегося поиска человеческой истины.Автор обращается не только к исторической личности, но и к человеку, оказавшемуся перед лицом любви, утраты, политических потрясений и изгнания. Через судьбы Данте, Беатриче и других героев раскрываются вечные темы человеческого достоинстваОсобая сила произведения заключается в стремлении показать, как личная боль становится источником большого творчества, а испытания судьбы — дорогой к глубокому пониманию человеческой природы.«Последнее путешествие» — роман о человеке, который потерял родину, но не утратил себя; о поэте, чьи земные странствия завершились, но чьё духовное путешествие продолжается в веках.Автор создал произведение о судьбе, памяти и бессмертии слова — о том, что истинное величие человека определяется не властью и славой, а тем духовным наследием, которое он оставляет миру.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
- Историко-философский роман

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
Историко-философский роман

ПРОЛОГ. ЧЕЛОВЕК, ВЕРНУВШИЙСЯ ИЗ ВЕЧНОСТИ

Равенна. Сентябрь 1321 года.

Ночь опустилась на город незаметно, словно боялась потревожить тех, кто ещё не спал. Узкие улицы постепенно пустели, за закрытыми ставнями гасли огни, и только редкие шаги ночных сторожей нарушали тишину. Над крышами домов поднимался туман, принесённый с моря, а вдалеке, за городскими стенами, едва слышно перекликались птицы.

В одном из домов, принадлежавших человеку, которого многие считали чужеземцем, хотя он давно уже жил среди жителей Равенны, горела свеча.

За столом сидел пожилой мужчина. Его лицо было худым, почти прозрачным в неверном свете пламени. Глубокие складки у рта и между бровями говорили не столько о возрасте, сколько о пережитом. Волосы, некогда тёмные, теперь почти полностью поседели. Он держал в руке перо, но уже давно не прикасался им к бумаге.

Перед ним лежали исписанные листы.

Он смотрел на них так, словно видел не строки, а людей, города, реки и дороги, по которым прошёл за свою жизнь. В этих строках были голоса умерших, крики осуждённых, молитвы тех, кто надеялся на спасение, и молчание тех, кому уже не на что было надеяться.

Он создал целый мир.

Но сам так и не сумел вернуться в тот, который когда-то называл родным.

За окном послышался осторожный стук.

— Войдите, — произнёс мужчина.

Дверь открылась. На пороге появился молодой человек, служивший при доме. Он держал небольшой кувшин с водой.

— Синьор, вам нужно отдохнуть. Врач просил не работать по ночам.

Пожилой мужчина едва заметно улыбнулся.

— Врачи всегда требуют от человека того, чего сами не могут ему вернуть.

— Вам нездоровится?

— А ты знаешь человека, которому никогда ничего не болело?

Молодой человек поставил кувшин на стол и посмотрел на рукописи.

— Вы опять пишете?

— Нет. Сегодня я, кажется, больше читаю.

— Что именно?

Хозяин дома перевёл взгляд на листы.

— Человеческую жизнь.

Юноша не понял ответа, но переспросить не решился.

— Вам принести ещё свечей?

— Нет. Оставь одну.

Когда дверь закрылась, мужчина снова остался один.

Он медленно поднялся, подошёл к окну и отодвинул занавеску. Город спал. Где-то за его пределами находилась дорога, ведущая на север, к морю, а дальше — к той земле, которую он покинул много лет назад. Флоренция.

Он произнёс это имя почти беззвучно.

Флоренция.

Сколько раз он возвращался туда в мыслях! Сколько раз представлял знакомые улицы, мосты, площади, башни, лица людей, которых уже никогда не увидит. Когда-то он верил, что родина — это место, куда человек всегда может вернуться. Позже понял, что существуют двери, которые закрываются не перед человеком, а за ним.

Он не был забыт. Его читали, спорили с ним, восхищались его стихами и ненавидели его убеждения. Но признание пришло слишком поздно, чтобы вернуть утраченное.

Мужчина опустил голову.

Перед его внутренним взором возникло женское лицо. Не стареющее, не подверженное времени, с той спокойной красотой, которую память иногда бережёт бережнее, чем саму жизнь.

Беатриче.

Он не произносил этого имени вслух уже много лет. Но оно продолжало жить в нём — не как воспоминание о женщине, которую он почти не знал, а как образ чего-то недостижимого, что однажды изменило направление всей его судьбы.

— Ты была права, — прошептал он. — Человек не всегда понимает, куда ведёт его любовь.

Он вернулся к столу и сел. Свеча почти догорела. Восковая капля медленно стекала по подсвечнику, и пламя временами вздрагивало от сквозняка.

На верхнем листе стояли строки, завершавшие его величайшее произведение. Он перечитал их, затем закрыл глаза.

Когда-то он начал свой путь в тёмном лесу, не зная, как выбраться из него. Он встретил тех, кто давно покинул мир живых, увидел человеческие страдания, прошёл через очищение и поднялся туда, куда не достигают земные дороги.

Но теперь, в эту тихую равеннскую ночь, его занимал совсем другой вопрос.

Не о том, что ожидает человека после смерти.

А о том, что остаётся от него среди живых.

Остаются ли слова, если исчезает голос? Может ли мысль пережить того, кто её родил? И что сильнее — власть, способная изгнать человека из родного города, или слово, которое однажды заставит этот город помнить изгнанника?

Он снова взял перо.

Несколько мгновений смотрел на чистый край листа, словно собирался написать ещё одну строку. Потом положил перо.

За окном начинал светлеть горизонт.

Новый день приближался к Равенне, а человек за столом уже почти не замечал его. Впереди у него оставалось совсем немного времени. Он ещё не знал, что вскоре его земное путешествие завершится, а созданный им мир продолжит путь без него.

Но история уже приготовила ему странную участь: человек, которого не пожелала принять собственная родина, однажды станет одним из тех, чьё имя будет произноситься во всём мире с почтением.

И, быть может, самое удивительное заключалось в том, что он никогда не стремился к такой славе.

Он просто пытался понять человека и самого себя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФЛОРЕНЦИЯ — ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ УМЕЛ ЗАБЫВАТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГОРОД НА БЕРЕГАХ АРНО

Флоренция середины XIII века была городом, который никогда не умел оставаться равнодушным. Здесь спорили о власти и торговле, заключали союзы и нарушали клятвы, возводили храмы и разрушали дома противников. За внешней красотой каменных башен, мостов и площадей скрывалась жизнь, полная противоречий, где богатство соседствовало с нищетой,

благочестие — с жестокостью, а возвышенные слова о свободе нередко служили прикрытием для самых обыкновенных человеческих амбиций.

Город стоял на берегах Арно. Река пересекала его, словно напоминала жителям, что ничто не может остановить течение времени. По мостам с раннего утра двигались торговцы, ремесленники, слуги знатных семейств, посыльные и священнослужители. Из открытых лавок доносились голоса покупателей, звенели молотки кузнецов, пахло свежеиспечённым хлебом, кожей, краской и сырой древесиной.

Флоренция богатела. Её купцы вели дела с далёкими землями, менялы распоряжались огромными суммами, ремесленные цехи приобретали всё большее влияние. Однако вместе с богатством росло и соперничество. Каждое влиятельное семейство стремилось укрепить своё положение, а политические разногласия постепенно превращались в личную вражду, которую порой наследовали дети, ещё не успевшие понять причины ненависти своих родителей.

Здесь невозможно было просто жить. Здесь приходилось занимать место среди других людей, отстаивать имя семьи, помнить старые обиды и внимательно следить за тем, кто сегодня улыбался тебе, а завтра мог оказаться по другую сторону баррикад.

Именно в этом городе весной 1265 года родился мальчик, которому предстояло изменить не только судьбу собственного имени, но и историю европейской литературы.

Его звали Данте.

Полное имя, которое он получил при рождении, было Дуранте, но в повседневной жизни его называли сокращённо — Данте. Он происходил из флорентийского семейства, принадлежавшего к городской знати, хотя его род не относился к числу самых могущественных и богатых. Отец, Алигьеро ди Беллинчоне, занимался делами, связанными с имущественными и финансовыми отношениями. Семья имела определённое положение в городе, но не обладала той силой, которая позволяла бы без опасений вмешиваться в борьбу наиболее влиятельных родов.

В доме, где появился мальчик, не было ни роскоши могущественных дворцов, ни той крайней бедности, которая заставляла человека думать только о завтрашнем хлебе. Это был дом людей, привыкших дорожить своим именем и понимать, что положение семьи зависит не только от происхождения, но и от осторожности, связей и умения вести себя среди тех, кто обладает властью.

О рождении Данте позднее рассказывали как о событии, которому сама судьба будто бы заранее приготовила особое значение. Но в действительности никто из окружающих не мог знать, кем станет этот ребёнок. Для близких он был прежде всего маленьким человеком, нуждавшимся в заботе, тепле и защите.

Город продолжал жить своей обычной жизнью. На площадях обсуждали цены и политические новости, в мастерских работали подмастерья, а в богатых домах принимали гостей. Никто не останавливался посреди улицы, чтобы подумать о том, что в одном из флорентийских домов родился будущий автор произведения, которое спустя столетия будут читать люди, говорящие на десятках языков.

Впрочем, возможно, именно так и начинается настоящая история. Не с торжественного предсказания и не с громких слов, а с обыкновенного дня, в котором никто ещё не знает, что именно ему суждено сохранить для будущего.

Данте рос среди звуков и красок Флоренции. Он слышал разговоры взрослых, наблюдал за поведением людей, замечал то, что другие считали незначительным. В городе, где почти каждый стремился доказать собственную значимость, он постепенно учился смотреть на человека не только по его одежде, положению или богатству.

Пока это было лишь детское любопытство. Но именно оно однажды заставит его задавать вопросы, на которые окружающие не захотят отвечать.

Флоренция ещё не знала своего великого поэта. Она видела в нём только сына одного из своих горожан. И никто не мог предположить, что однажды этот мальчик покинет её, унося в памяти каждую улицу, каждый голос и каждую обиду, чтобы превратить всё пережитое в бессмертные строки.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДОМ, В КОТОРОМ РОС МАЛЬЧИК

Детство Данте не было окружено той безмятежностью, которую взрослые иногда приписывают собственному прошлому. Флоренция редко позволяла человеку забыть о существовании внешнего мира, а семейная жизнь здесь зависела от множества обстоятельств, не всегда поддававшихся человеческой воле.

О матери Данте известно немного. Её звали Белла, и, по всей вероятности, она умерла, когда мальчик был ещё совсем юным. Позднее отец вступил во второй брак, и в доме появились новые семейные отношения, новые обязанности и новые люди. Мы не знаем достоверно, какие именно воспоминания сохранил Данте о раннем детстве, поэтому трудно судить, насколько сильно ранняя потеря матери повлияла на его характер. Но в жизни человека порой остаются пустоты, о которых он не умеет рассказать даже самому себе.

Отец не был человеком, склонным к бесполезным мечтаниям. Он понимал цену денег, значение договорённостей и опасность неосторожных поступков. В его представлении жизнь требовала прежде всего разумного поведения. Слишком сильная привязанность к отвлечённым рассуждениям могла показаться ему бесплодной, особенно если она мешала повседневным делам.

Однажды, когда Данте был ещё мальчиком, он задержался у окна и долго смотрел на прохожих. Улица была заполнена людьми. Двое торговцев оживлённо спорили возле лавки, неподалёку ремесленник сердито отчитывал своего ученика, а богатый господин, сопровождаемый слугой, торопливо пересекал площадь.

Отец заметил, что сын не занимается тем, чем должен.

— Данте, почему ты стоишь здесь?

Мальчик обернулся.

— Я смотрю на людей.

— На каких людей?

— На тех, которые идут по улице.

Отец посмотрел в окно, но не увидел ничего необычного.

— И что же ты там нашёл?

— Они все разные.

— Разумеется. Один богат, другой беден. Один работает, другой покупает. Что удивительного?

Данте немного подумал.

— Но почему тот человек сердится на своего ученика, если сам когда-то тоже был учеником?

Отец усмехнулся.

— Потому что теперь он мастер, а тот мальчик ещё должен научиться работать.

— Значит, когда мальчик станет мастером, он тоже будет сердиться?

— Возможно.

— А зачем ему это?

Отец посмотрел на сына внимательнее.

— Ты задаёшь слишком много вопросов, Данте. Не всякое поведение людей нуждается в объяснении.

— Но если его не объяснять, как узнать, правильно они поступают или нет?

На этот раз отец не ответил сразу. Он подошёл к столу, где лежали бумаги, связанные с семейными делами, и поправил одну из них.

— В жизни, сын, не всегда важно знать, кто прав. Иногда важнее понимать, что может случиться, если ты вступишь с кем-нибудь в спор.

— А если прав тот, кто слабее?

Отец поднял глаза.

— Тогда ему особенно следует быть осторожным.

Разговор закончился. Не потому, что мальчик получил ответ, а потому, что взрослый не захотел продолжать рассуждение, которое казалось ему преждевременным.

Данте снова посмотрел в окно. Торговцы уже разошлись, мастер вернулся к работе, а богатый господин давно исчез за поворотом улицы. Казалось, ничего не произошло. Но мальчик продолжал думать о том, почему человек, получивший власть над другим, так часто начинает считать себя правым.

В последующие годы ему предстояло увидеть немало подобных сцен. Он узнает, что люди способны оправдывать жестокость законом, корысть — необходимостью, а предательство — заботой о родине. И однажды ему самому придётся выбирать между спокойствием и правдой, между безопасностью и убеждениями.

Пока же он оставался ребёнком, который ещё не знал, насколько дорого иногда обходится желание разобраться в человеческой природе.

Вечером в доме зажгли светильники. За стенами слышались голоса соседей, а с улицы доносился звон колокола. Данте сидел над книгой, пытаясь разобрать строки, смысл которых ещё не вполне понимал. Он перечитывал их медленно, возвращался к отдельным словам и иногда останавливался, словно за написанным скрывалось нечто большее, чем то, что можно было увидеть глазами.

Отец, проходя мимо, заметил его занятие.

— Не засидись допоздна. Завтра будет новый день.

— Я ещё немного почитаю.

— Что ты надеешься там найти?

Данте поднял голову.

— Пока не знаю.

Отец покачал головой и ушёл.

Мальчик снова склонился над книгой. Он ещё не понимал, что знания могут не только открывать человеку мир, но и делать его одиноким среди тех, кто предпочитает не задавать лишних вопросов. И уж тем более не мог представить, что однажды ему придётся оставить дом, город и привычную жизнь, сохранив с собой лишь память, веру и слова, которые будут становиться всё более необходимыми по мере того, как исчезнет возможность вернуться.

В ту ночь Данте долго не мог уснуть. За окном шумел ветер, где-то вдалеке закрывали ставни, и Флоренция постепенно погружалась в темноту. Мальчик лежал с открытыми глазами, вспоминая разговор с отцом. Ему казалось несправедливым, что человек может причинять другому боль только потому, что обладает большей силой, и что окружающие нередко принимают подобное положение вещей как естественный порядок жизни. Он ещё не знал, что однажды эта мысль станет одним из главных оснований его поэзии и его нравственного суда над миром.

А пока впереди была целая жизнь, и в ней ещё оставалось место для удивления, первой любви и надежды на то, что справедливость всё-таки существует.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПЕРВЫЕ СЛОВА О НЕВИДИМОМ

Годы шли, и мальчик, который когда-то подолгу наблюдал за прохожими из окна родительского дома, постепенно превращался в задумчивого юношу. Флоренция менялась вместе с ним. Одни здания поднимались над узкими улицами, другие исчезали после пожаров и столкновений, одни семейства приобретали влияние, другие теряли его, но сам город оставался верен своему беспокойному характеру.

Данте всё чаще проводил время за книгами. Его привлекали не только рассказы о древних героях и событиях давно минувших эпох, но и сочинения, в которых человек пытался понять собственную душу. Он знакомился с латинской литературой, изучал произведения античных авторов, слушал рассуждения людей, знавших богословие и философию. Не всё было ему понятно, однако он обладал редким терпением: если мысль казалась важной, он возвращался к ней снова и снова, пока не находил для себя хотя бы приблизительного ответа.

Особое место в его интересах постепенно занимала поэзия. В те годы итальянский литературный язык ещё не обладал тем признанием, которое позднее получит благодаря Данте и другим великим авторам. Образованные люди по-прежнему широко пользовались латынью, а на родном языке создавали песни, любовные стихи и произведения, в которых постепенно формировалась новая литературная традиция.

В Провансе уже давно звучали песни трубадуров. Их стихи рассказывали о любви, верности, тоске и недостижимой женщине, перед которой мужчина склонялся не как перед обладательницей власти или богатства, а как перед существом, способным возвысить его душу. Эти представления постепенно проникали в итальянские города, где поэты начинали искать собственный язык для выражения чувств.

Данте внимательно прислушивался к этому новому искусству. Его интересовало, почему несколько простых строк способны вызвать в человеке переживание, которое не всегда удаётся передать долгим разговором. Он замечал, что одни стихи остаются в памяти на несколько дней, а другие сопровождают человека всю жизнь.

Однажды в доме знакомого семейства собрались несколько молодых людей. Среди них был человек, уже пробовавший свои силы в стихосложении. Его звали Гвидо, и впоследствии он станет одним из наиболее близких Данте друзей и крупнейших поэтов своего времени — Гвидо Кавальканти.

В тот вечер разговор начался с обычного обсуждения литературы. Один из присутствующих прочитал несколько строк, посвящённых любви, затем другой высказал сомнение в том, что подобное чувство способно сделать человека лучше.

— Поэты слишком часто говорят о любви, — заметил он. — Но разве она не делает человека зависимым? Тот, кто любит, перестаёт принадлежать самому себе.

Гвидо улыбнулся.

— А тот, кто ничего не любит, кому принадлежит?

— Самому себе.

— Ты уверен, что это большое преимущество?

Молодые люди рассмеялись. Данте, до этого молчавший, поднял глаза.

— Возможно, любовь не отнимает у человека свободу, — сказал он. — Возможно, она показывает ему, что он не замечал в себе прежде.

— И что же она может показать? — спросил Гвидо.

— Что его собственная жизнь не является единственной мерой всего существующего.

Кавальканти внимательно посмотрел на него.

— Хорошо сказано. Но это ещё не стихотворение.

— Я знаю.

— Тогда попробуй написать его.

Данте не ответил. Он не любил обещать того, в чём ещё не был уверен. Ему казалось, что поэзия начинается не тогда, когда человек садится за стол с намерением подобрать красивые слова, а тогда, когда внутри него возникает нечто, чему становится тесно в обычной речи.

Позднее, возвращаясь домой, он долго думал о разговоре. На улицах уже темнело. За окнами домов появлялись огни, а над крышами поднималось вечернее небо. Он остановился возле каменной стены и посмотрел на звёзды.

Ему хотелось понять, что именно делает человеческое чувство возвышенным. Почему любовь к одному человеку порой заставляет думать обо всём человечестве? Почему красота может вызывать не только желание обладать, но и стремление стать лучше? И почему самое сильное переживание иногда оказывается самым трудным для выражения?

Ответов у него пока не было.

Но в тот вечер Данте впервые почувствовал, что слова могут стать не просто способом рассказать о пережитом, а дорогой к тому, что ещё только предстоит пережить.

Он вернулся домой, зажёг светильник и сел за стол. Перед ним лежал чистый лист. Несколько раз он начинал писать, затем останавливался, перечёркивал написанное и снова погружался в размышления. Наконец на бумаге появились первые строки.

Они были несовершенны. В них ещё не было той силы и ясности, которые позднее станут отличительной чертой его поэзии. Но Данте уже понимал: он не хочет просто повторять чужие слова. Ему предстояло найти собственный голос.

И этот голос однажды заговорит о любви так, как до него не говорил никто.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВСТРЕЧА, КОТОРАЯ ИЗМЕНИЛА ВСЁ

Весна 1274 года была одной из тех флорентийских весен, когда город словно забывал о собственных распрях. Солнце становилось теплее, на улицах появлялось больше людей, а из открытых окон доносились музыка, голоса и запахи праздничных приготовлений. Даже старые каменные стены, казалось, приобретали иной оттенок, когда на них падал вечерний свет.

Данте было около девяти лет.

Он ещё не знал, что именно в эти годы произойдёт событие, которое позднее станет одним из важнейших воспоминаний его жизни. Впрочем, тогда он едва ли мог назвать его событием. Для окружающих это был обычный день, один из многих, а для самого мальчика — короткая встреча, смысл которой откроется лишь спустя годы.

Его отец поддерживал отношения с некоторыми флорентийскими семействами, и во время одного из праздничных посещений Данте оказался в доме, где собрались знакомые и родственники хозяев. Взрослые беседовали, обменивались новостями, обсуждали городские дела. Дети держались отдельно, иногда присоединяясь к общему разговору, но чаще занимаясь собственными играми.

Среди присутствовавших была девочка, которую звали Беатриче. Её имя было известно семье Данте, хотя сам он прежде не придавал ему особого значения. Она была дочерью Фолько Портинари, представителя одного из состоятельных флорентийских семейств.

Девочка находилась неподалёку от других детей. На ней было платье, подходившее к торжественному случаю, а её движения отличались той естественной непринуждённостью, которая свойственна детям, ещё не привыкшим думать о том, какое впечатление они производят на окружающих.

Данте увидел её не сразу.

Сначала он услышал смех, затем обернулся и заметил девочку, разговаривавшую с другой гостьей. Вокруг продолжалась обычная праздничная жизнь, но в его восприятии что-то неожиданно изменилось. Он не мог объяснить, почему взгляд остановился именно на ней, почему знакомые голоса вдруг стали казаться далёкими и почему простое присутствие другого человека вызвало в нём такое необычное смущение.

Он не подошёл к ней. Не произнёс ни одного особенного слова. Даже не был уверен, заметила ли она его.

Но образ девочки остался в памяти.

Позднее Данте назовёт её Беатриче, и это имя станет для него гораздо большим, чем обозначение конкретного человека. Однако в тот день перед ним была не символическая фигура из будущей поэзии, а живая девочка, чья судьба ещё только складывалась и которая, разумеется, не могла знать, какую роль ей предстоит сыграть в истории чужой души.

Когда гости начали расходиться, Данте вышел вместе с отцом. По дороге домой он несколько раз возвращался мыслями к недавней встрече. Отец заметил его задумчивость.

— Ты устал?

— Нет.

— Тогда почему молчишь?

— Я думаю.

— О чём?

Данте немного помедлил.

— Сегодня я видел одну девочку.

Отец взглянул на сына с лёгкой улыбкой.

— И это заставило тебя задуматься?

— Не знаю.

— Значит, пока тебе нечего сказать.

Данте не стал спорить. Он и сам не понимал, что именно хотел бы сказать.

Дома он долго не мог забыть увиденное. Перед его глазами снова возникало лицо Беатриче, её спокойный взгляд, её улыбка. Это было странное переживание, не похожее на радость от новой игры или удовольствие от прочитанной книги. В нём не было ни желания похвастаться перед друзьями, ни стремления привлечь к себе внимание. Скорее, мальчик впервые почувствовал, что другой человек способен занять в его мыслях место, которое прежде принадлежало только ему самому.

Прошли дни, затем недели. Встреча постепенно отступила в глубину памяти, но не исчезла. Иногда Данте неожиданно вспоминал тот дом, праздничные голоса и девочку в нарядном платье. Он не пытался объяснить себе своё состояние. Детская душа редко умеет анализировать чувства, зато порой сохраняет их с удивительной точностью.

Много лет спустя, рассказывая о начале своей любви, Данте напишет, что впервые увидел Беатриче, когда ему было девять лет. Он придаст этой встрече особое значение, опишет её как начало нового внутреннего мира. Его повествование станет частью книги, которую мы сегодня знаем под названием «Новая жизнь».

Но пока до появления этой книги было ещё далеко.

Беатриче продолжала жить своей жизнью, Данте — своей. Их дороги не соединялись каждый день, и между ними не возникло той близости, которую позднее можно было бы назвать обычной любовной историей. Их чувство будет развиваться иначе, чем чувства большинства людей. Оно не станет историей совместного быта, семейных радостей и преодоления повседневных трудностей. Оно останется почти целиком в пространстве памяти, воображения и поэзии.

И именно поэтому его нельзя понимать только как романтическое увлечение.

В тот весенний день Данте ещё не мог знать, что однажды Беатриче станет для него образом света, духовного очищения и пути к высшей истине. Он не знал, что пережитое чувство переживёт саму женщину и что её имя окажется вписанным в произведение, которое будет читать человечество спустя столетия.

Он просто встретил девочку.

Но иногда человеческая судьба начинается именно так: с короткого взгляда, случайной встречи и чувства, которому ещё не дано имени, хотя оно уже изменило что-то в глубине души.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ГОДЫ, КОГДА МЕНЯЕТСЯ СЕРДЦЕ

Время не спрашивало человека, готов ли он расстаться с детством. Оно просто шло, и однажды Данте обнаружил, что прежние радости уже не приносят ему прежнего удовлетворения, а вопросы, которые прежде казались отвлечёнными, начинают касаться его самого.

Флоренция входила в новую пору своей жизни. Город становился богаче, его торговые связи расширялись, ремесленные объединения приобретали всё большее значение. За стенами

домов и лавок продолжалась борьба влиятельных семейств, а политические споры постепенно проникали даже в те круги, которые прежде старались держаться от них подальше.

Данте уже не был ребёнком, который только наблюдал за происходящим. Он всё чаще прислушивался к разговорам взрослых, замечал противоречия между их словами и поступками, пытался понять, почему люди, рассуждающие о справедливости, нередко оказываются неспособными поступать справедливо в собственной жизни.

Отец по-прежнему считал, что сыну необходимо получить образование, которое позволит ему занять достойное место в обществе. Данте занимался литературой, знакомился с философскими и богословскими сочинениями, изучал античных авторов. Его интересовали не только вопросы веры, но и устройство человеческого разума, природа добра и зла, происхождение нравственных законов.

Однако всё большее место в его жизни занимала поэзия.

Он уже не воспринимал стихи как красивое развлечение или упражнение в искусстве владения словами. Поэзия становилась способом разобраться в собственных чувствах и передать то, что невозможно было объяснить обычным разговором. Он читал произведения Гвидо Гвиницелли, знакомился с творчеством других итальянских поэтов, внимательно следил за тем, как меняется язык любовной лирики.

Особенно его привлекала мысль о том, что любовь способна не только пробуждать страсть, но и возвышать человека. В стихах, которые он читал, женщина иногда представала почти недостижимым существом, а встреча с ней становилась событием, меняющим внутренний мир мужчины.

Данте пытался понять, насколько подобное представление соответствует действительности. Ведь настоящая женщина не обязана быть воплощением чужой мечты. У неё есть собственные мысли, желания, страхи, семейные обязанности и право на свою судьбу. Но почему же тогда поэты так часто превращают любимую женщину в символ чего-то большего, чем она сама?

Этот вопрос не давал ему покоя.

Однажды он встретился с Гвидо Кавальканти. Их дружба постепенно становилась всё более значимой. Гвидо был старше, обладал независимым характером и не любил принимать чужие убеждения без проверки. Он мог быть резким в споре, но его рассуждения отличались глубиной, а поэтическое дарование вызывало уважение даже у тех, кто не разделял его взглядов.

Они шли по одной из улиц, когда разговор коснулся любви.

— Ты всё ещё думаешь, что она делает человека лучше? — спросил Гвидо.

— Я думаю, что она может заставить его увидеть собственные недостатки.

— Это не слишком приятное свойство.

— Но, возможно, необходимое.

Кавальканти усмехнулся.

— Люди любят говорить, что любовь возвышает. Но я видел немало людей, которых она делала несчастными, ревнивыми и даже жестокими.

— Значит, не всякое чувство заслуживает того, чтобы называться любовью.

— А кто будет решать?

— Сам человек. По тому, кем он становится рядом с другим.

Гвидо остановился и посмотрел на друга.

— Ты рассуждаешь так, словно уже нашёл ответ.

— Нет. Я только ищу его.

— Тогда не торопись. Иногда поэты слишком рано объявляют истину, а потом всю жизнь пытаются доказать, что сами в неё верят.

Данте улыбнулся. Он уважал способность Гвидо сомневаться даже в тех вещах, которые другим казались очевидными. В их разговорах не было стремления непременно победить друг друга. Каждый мог уйти с вопросом, который прежде ему даже не приходил в голову.

В тот вечер Данте вернулся домой и долго сидел за столом. Он вспоминал детскую встречу с Беатриче, но уже не так, как вспоминают случайный праздник или красивое лицо. Ему казалось, что в памяти сохранилось нечто более значительное, хотя он не мог объяснить, что именно.

Он понимал, что не знает её настоящей жизни. Не знает, о чём она думает, какие книги читает, что вызывает у неё радость или печаль. И всё же образ этой женщины продолжал занимать особое место в его сознании.

Постепенно он начал писать стихи, в которых пытался выразить не столько желание приблизиться к любимой, сколько состояние души человека, однажды увидевшего красоту и уже не способного вернуться к прежнему равнодушию.

Так рождался его собственный поэтический язык.

Но вместе с поэзией приходило и понимание: настоящее чувство не освобождает человека от испытаний. Напротив, оно может сделать его уязвимее перед миром, который не всегда бережёт то, что дорого человеческому сердцу.

Данте ещё не знал, насколько справедливым окажется это открытие.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ВТОРОЙ ВЗГЛЯД

Прошло несколько лет с той первой встречи, которую Данте сохранил в памяти как начало своей внутренней жизни. Он стал юношей, и Флоренция уже воспринимала его не как ребёнка из уважаемого семейства, а как молодого человека, которому предстояло самому определять своё место среди горожан.

Именно тогда, согласно позднейшему рассказу самого Данте, произошла новая встреча с Беатриче.

Город жил весенними заботами. На улицах становилось людно, торговцы выставляли товары, женщины выходили из домов по делам, а молодые люди всё чаще собирались небольшими группами, обсуждая литературу, городские новости и предстоящие праздники.

Данте шёл по улице, погружённый в свои мысли. Он уже привык к тому, что окружающие события нередко становились для него поводом к размышлению. Но в тот день привычный ход мыслей неожиданно прервался.

Навстречу ему шла женщина.

Он узнал её не сразу. Детский образ, сохранившийся в памяти, соединялся с новым впечатлением, и несколько мгновений Данте словно пытался сопоставить два разных времени. Перед ним была уже не девочка, которую он когда-то увидел в доме знакомых, а молодая женщина сдержанной красоты и спокойного достоинства.

Это была Беатриче Портинари.

Она шла вместе с другими женщинами. На ней было платье, соответствовавшее её положению, движения были естественными, а лицо выражало ту спокойную уверенность, которая иногда появляется у людей, привыкших к вниманию окружающих, но не стремящихся его искать.

Данте остановился.

Беатриче заметила его и, согласно знаменитому рассказу поэта, приветствовала его. Это было простое приветствие, не сопровождавшееся долгим разговором или каким-либо особенным признанием. Она не могла знать, какое значение имел для него этот короткий жест.

Но для Данте он оказался событием огромной силы.

Он почувствовал, как привычный мир на мгновение утратил свою определённость. Улицы, дома, прохожие — всё осталось на своих местах, однако внутри него возникло необычное волнение, которое он не мог ни подавить, ни объяснить.

Беатриче прошла дальше.

Данте ещё некоторое время стоял неподвижно, затем медленно продолжил путь. Ему казалось, что теперь он уже не тот человек, которым был несколько минут назад. И всё же он не пытался догнать её, не искал случая заговорить, не стремился превратить случайную встречу в объяснение.

Он хотел сохранить это мгновение таким, каким оно было.

Вернувшись домой, Данте уединился. Он пытался читать, но строки расплывались перед глазами. В памяти снова возникало приветствие, и чем больше он думал о нём, тем яснее понимал, что его переживание не сводится к обычному восхищению красотой.

В нём было что-то почти торжественное.

Он взял перо и начал писать. Слова появлялись медленно, но теперь он уже не перечёркивал каждую строку. Ему хотелось передать состояние, при котором одно простое движение другого человека способно изменить внутреннее равновесие.

Он ещё не умел выразить всё, что чувствовал. Но впервые ощутил, что поэзия может стать единственным местом, где его переживание получит право на существование без объяснений и оправданий.

В последующие дни он возвращался к этому мгновению снова и снова. Иногда ему казалось, что Беатриче даже не запомнила его. Возможно, для неё это было обычное приветствие знакомому молодому человеку. Но для Данте оно стало границей между прошлым и настоящим.

Он постепенно понимал, что любовь не всегда начинается с близости. Иногда она рождается из уважения, из восхищения, из ощущения, что присутствие другого человека пробуждает в тебе лучшие стороны. И тогда любимый становится не предметом желания, а мерой, с которой ты невольно сравниваешь самого себя.

Однако в этой возвышенной мысли скрывалась и опасность. Данте мог любить созданный собственной душой образ, почти не зная реальной женщины, которая стала его источником. Ему предстояло научиться различать живого человека и то значение, которое он сам придаёт его существованию.

Этого урока он ещё не усвоил.

Беатриче продолжала идти своей дорогой. Впереди у неё была жизнь, подчинённая обычаям и решениям её семьи. Данте же всё глубже погружался в мир, где личное чувство постепенно превращалось в поэтическое призвание.

И, быть может, именно в этом заключалось первое настоящее испытание его любви: суметь сохранить свет, не требуя, чтобы он принадлежал только ему.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

Данте увидел её возле церкви.

Беатриче стояла у входа, разговаривая с пожилой женщиной. Ветер слегка шевелил край её покрывала, а солнечный свет, пробивавшийся сквозь узкую улицу, освещал её лицо. Данте остановился на противоположной стороне площади. Он не собирался подходить, но и уйти сразу не мог.

— Ты опять смотришь на неё? — раздался за спиной знакомый голос.

Данте обернулся. Гвидо Кавальканти стоял, опершись рукой о каменную стену, и улыбался.

— Ты следишь за мной?

— Нет. Просто у тебя удивительная способность останавливаться посреди улицы именно тогда, когда поблизости появляется красивая женщина.

— Не говори глупостей.

— Тогда объясни, почему мы стоим здесь уже несколько минут.

Данте промолчал.

Гвидо посмотрел в сторону Беатриче.

— Это она?

— Да.

— Ты когда-нибудь разговаривал с ней?

— Несколько раз видел. Этого достаточно.

— Для чего?

— Не знаю.

Гвидо покачал головой.

— Данте, ты удивительный человек. Другой на твоём месте попытался бы познакомиться с ней, а ты довольствуешься тем, что смотришь издали.

— Не всякое чувство нуждается в том, чтобы его немедленно превращали в разговор.

— А может быть, ты просто боишься услышать то, чего не хочешь?

Эти слова задели Данте сильнее, чем он ожидал.

— Ты считаешь меня трусом?

— Я считаю, что ты прячешься за красивыми рассуждениями.

Данте хотел ответить, но в этот момент Беатриче обернулась. Их взгляды встретились. Она узнала его и слегка улыбнулась. Данте ответил поклоном.

Через мгновение она ушла вместе со своей спутницей.

— Вот видишь, — произнёс Гвидо. — Она улыбнулась тебе. Мир не рухнул.

— Иногда ты бываешь невыносим.

— Зато редко бываю неправ.

Они пошли дальше. Но слова друга продолжали звучать в голове Данте. Возможно, Гвидо действительно заметил то, чего сам он предпочитал не замечать: за возвышенными представлениями о любви скрывался страх перед настоящей близостью.

Вечером Данте получил приглашение на семейный приём. Он не придал бы этому особого значения, если бы не узнал, что среди гостей будет Беатриче.

Весь следующий день он убеждал себя, что пойдёт туда исключительно из вежливости. Но когда настал вечер, он слишком долго выбирал одежду, несколько раз поправлял пояс и, наконец, рассердился на самого себя за эту нелепую суету.

Приём проходил в просторном доме одного из состоятельных флорентийцев. В зале горели светильники, слуги разносили вино и угощения, гости беседовали небольшими группами. Данте заметил Беатриче почти сразу.

Она сидела рядом с женщиной, которую он прежде не видел. Разговор вокруг неё был оживлённым, но сама она казалась немного отстранённой.

Данте подошёл к знакомым и вступил в беседу. Он старался не смотреть в её сторону, однако вскоре услышал её голос.

— Синьор Алигьери, вы сегодня необычайно молчаливы.

Он повернулся.

— Возможно, я просто не нашёл достойной темы для разговора.

— Неужели во Флоренции закончились темы?

— Во Флоренции их слишком много. Труднее выбрать ту, о которой стоит говорить.

Беатриче улыбнулась.

— А о чём вы предпочитаете молчать?

Вопрос застал его врасплох. Он посмотрел на неё и впервые за долгое время почувствовал, что перед ним не образ из его стихов, не воспоминание и не недостижимая мечта, а живая женщина, обладающая собственным характером и чувством юмора.

— О том, чего не понимаю, — ответил он.

— Тогда вам, должно быть, приходится молчать довольно часто.

Данте рассмеялся. Ему понравилась её непосредственность.

Они поговорили ещё немного, но разговор постоянно прерывали другие гости. Беатриче отвечала спокойно и доброжелательно, однако в её поведении не было того особенного внимания, которого Данте невольно ожидал.

Когда она отошла к своей спутнице, он остался стоять, ощущая странную смесь радости и разочарования.

— Теперь ты хотя бы знаешь, что она умеет разговаривать, — сказал появившийся рядом Гвидо.

— И умеет задавать вопросы.

— Это опасное качество.

— Почему?

— Потому что однажды она может спросить тебя о том, на что ты не захочешь отвечать.

Данте улыбнулся, но промолчал.

Позднее, уже дома, он вспоминал её слова. Впервые ему захотелось написать не о недостижимой красоте и не о возвышенном чувстве, а о простой человеческой встрече, в которой два человека на несколько минут оказались рядом.

Он сел за стол и начал писать.

На этот раз слова шли легче.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ТО, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ УДЕРЖАТЬ

Несколько дней спустя Данте встретил Беатриче на улице, ведущей к одной из городских площадей. Она шла не одна. Рядом находилась женщина постарше, а чуть позади следовал молодой человек, которого Данте прежде не видел.

Он поклонился.

Беатриче ответила приветствием, но на этот раз её лицо показалось ему задумчивым. Она не остановилась, и Данте не стал задерживать её.

— Ты выглядишь так, будто получил плохую новость, — заметил Гвидо, когда они встретились позже.

— Нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

— Я видел Беатриче.

— И?

— Она была с каким-то молодым человеком.

Гвидо рассмеялся.

— Вот оно что! Значит, теперь мы добрались до ревности.

— Я не ревную.

— Конечно. Ты просто заинтересовался личностью её спутника, его происхождением, намерениями и, возможно, состоянием семейных доходов.

— Хватит, Гвидо.

— Хорошо. Но ответь мне: кем ты ей приходишься?

Данте остановился.

— Никем.

— Тогда почему тебя волнует, с кем она ходит?

Вопрос повис между ними. Данте отвернулся. Он понимал, что друг прав, но не хотел принимать эту правоту.

— Я не требую от неё ничего, — наконец произнёс он.

— Это хорошо. Потому что она не давала тебе никаких обещаний.

— Ты говоришь так, словно любовь существует только там, где люди заключают договор.

— Нет. Я говорю, что у другого человека есть собственная жизнь. И ты не можешь распоряжаться ею даже тогда, когда считаешь своё чувство чистым и бескорыстным.

Данте медленно кивнул.

— Ты иногда говоришь жестокие вещи.

— Лучше услышать их от друга, чем узнать от жизни.

Они расстались возле площади. Данте долго шёл один, не замечая прохожих. Ему было неприятно признавать, что в его сердце поселилось чувство, которое он сам не желал называть ревностью. Он ведь не знал, кем был молодой человек, не имел никаких оснований для подозрений и не мог даже утверждать, что Беатриче заметила его беспокойство.

Но самое неприятное заключалось в другом: он вдруг понял, что любить человека и желать, чтобы он принадлежал тебе, — не одно и то же.

Вскоре до него дошла весть, которая окончательно изменила его настроение. Беатриче была замужем за Симоне де Барди, представителем влиятельного флорентийского семейства. Брак этот был заключён по семейным обстоятельствам, и Данте не имел никакого отношения к решениям, которые привели к нему.

Он услышал об этом от знакомого, встретившего его на улице.

— Ты знаешь? Портинари выдали дочь замуж за де Барди.

Данте остановился.

— Когда?

— Уже некоторое время назад. Разве ты не знал?

— Нет.

Знакомый пожал плечами и продолжил путь.

Данте остался один. Вокруг шумела улица, торговцы громко предлагали товары, где-то смеялись дети. Жизнь не остановилась ради его печали. Никто не заметил, что в эту минуту для молодого человека завершилась одна из тех несбыточных надежд, которые иногда сопровождают человека дольше, чем реальные события.

Вечером он встретился с Гвидо.

— Я слышал о её замужестве, — сказал Данте.

Кавальканти не стал шутить.

— Мне жаль.

— Я ведь никогда ничего не обещал ей и ничего не просил.

— Знаю.

— Тогда почему мне так тяжело?

Гвидо некоторое время молчал.

— Потому что иногда человек оплакивает не то, что потерял, а то, чего никогда не имел.

Данте посмотрел на друга.

— Значит, всё это было только в моей голове?

— Нет. Твоё чувство было настоящим. Но жизнь другого человека не обязана совпадать с тем, что мы придумали о нём.

Эти слова Данте запомнил.

Он не стал искать встречи с Беатриче, не пытался вмешиваться в её семейную жизнь и не позволил себе обвинять её в том, что она выбрала собственную дорогу. Но с этого времени его отношение к любви стало иным. Он начал понимать, что чувство может сохраняться даже тогда, когда исчезает надежда на взаимность, а память иногда становится единственным пространством, где человек способен продолжать разговор с тем, кого уже не может удержать рядом.

В ту ночь он долго сидел у окна. Над крышами Флоренции поднималась луна, и город казался спокойным, почти умиротворённым. Данте смотрел на огни домов и думал о том, что человеческая жизнь редко подчиняется нашим ожиданиям.

Возможно, любовь и в самом деле не должна становиться собственностью. Возможно, её высшая сила заключается в том, что она способна продолжать жить в человеке, не требуя ничего взамен.

Но понять это разумом было гораздо легче, чем принять сердцем.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ДРУГ, КОТОРЫЙ НЕ УМЕЛ УТЕШАТЬ

Гвидо Кавальканти пришёл без предупреждения. Данте сидел за столом, перед ним лежали исписанные листы, а рядом остывал кубок с вином.

— Ты опять не спал? — спросил Гвидо, оглядев комнату.

— А ты опять задаёшь вопросы, на которые сам знаешь ответы.

— Значит, я пришёл вовремя.

Он снял плащ и сел напротив друга.

— Что пишешь?

— Пока не знаю.

— Прекрасно. Значит, получится что-нибудь особенно длинное.

Данте улыбнулся и подвинул ему несколько листов.

Гвидо начал читать. Сначала быстро, затем медленнее. На отдельных строках он задерживался, возвращался к предыдущим, иногда слегка хмурился. Закончив, он положил рукопись на стол.

— Здесь есть настоящая мысль.

— Только одна?

— Не торопись. Я ещё не закончил.

Данте ждал.

— Ты пытаешься сказать, что любовь меняет человека не потому, что он получает любимую женщину, а потому, что само чувство заставляет его увидеть собственную душу. Это интересно. Но иногда ты слишком стараешься быть возвышенным.

— А разве поэзия не должна быть возвышенной?

— Она должна быть правдивой. Это не одно и то же.

Данте взял листы.

— И что ты предлагаешь?

— Иногда напиши о том, как человек страдает, злится, завидует, боится. Не прячь всё это за небесами и ангелами. У человека есть тело, характер и слабости. Если забыть о них, останется красивая, но пустая оболочка.

— Ты говоришь так, словно сам никогда не пытался возвысить любовь.

— Пытался. Поэтому и знаю, как легко обмануться собственными словами.

Они замолчали.

За окном слышались голоса прохожих. Кто-то громко спорил с торговцем, неподалёку хлопнула дверь, затем по улице прокатился смех. Гвидо прислушался.

— Ты слышишь?

— Что?

— Город. Он не знает, что мы здесь пишем стихи о вечности. Ему всё равно, насколько прекрасны наши мысли. Завтра кто-нибудь поссорится с соседом, кто-нибудь лишится денег, а кто-нибудь будет избит за то, что оказался не на той стороне улицы.

— И что же нам делать? Писать только о драках и несправедливости?

— Нет. Но не забывать, что всё это тоже человеческая жизнь.

Данте посмотрел на друга с благодарностью.

— Ты умеешь разрушать самые удобные иллюзии.

— Для этого и существуют друзья.

В тот день они долго говорили о литературе. Гвидо рассказывал о своих замыслах, Данте делился новыми стихами. Иногда они спорили так горячо, что забывали о времени. Но именно в этих разговорах постепенно рождалось нечто большее, чем простое товарищество двух молодых поэтов. Они учились доверять друг другу свои сомнения, не опасаясь показаться смешными или недостаточно образованными.

Когда Гвидо собрался уходить, Данте спросил:

— Ты действительно считаешь, что я должен писать обо всём?

— Нет. Ты должен писать о том, что не даёт тебе покоя. Только не обманывай читателя и самого себя.

— А если правда окажется слишком неприятной?

Гвидо надел плащ.

— Тогда тем более не прячь её.

Он ушёл, оставив Данте наедине с рукописью. Молодой поэт ещё раз перечитал свои строки и впервые задумался о том, что его искусство должно вместить не только красоту, но и человеческую боль, не только мечту, но и действительность.

Возможно, именно с этого дня его поэзия начала приобретать ту внутреннюю силу, которая позднее позволит ему говорить не только о собственной любви, но и о судьбе целого мира.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ПЕРВЫЙ ВЫЗОВ

Однажды вечером Данте получил приглашение на встречу, которую устраивали несколько молодых флорентийцев, интересовавшихся литературой и философией. Среди гостей должны были быть люди разных взглядов и характеров. Одни принадлежали к состоятельным семействам, другие были выходцами из ремесленной среды, но всех объединяло желание обсуждать новые идеи и произведения.

Данте пришёл немного позже назначенного времени.

В просторной комнате уже собрались гости. На столе стояли кувшины с вином, рядом лежали книги и несколько рукописей. Разговор шёл о поэзии на народном языке. Один из присутствующих утверждал, что серьёзная литература должна создаваться исключительно на латыни, поскольку только этот язык способен передать сложность человеческой мысли.

— На языке улицы можно сочинять песни, — говорил он, — но нельзя создавать произведения, которые останутся в веках.

— А кто решил, что язык улицы неспособен вместить великую мысль? — спросил Данте.

Мужчина посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Молодой человек, вы, вероятно, ещё не понимаете различия между разговорной речью и языком образованных людей.

— Возможно. Но я понимаю, что человек, который не знает латыни, тоже способен любить, страдать, размышлять о смерти и искать Бога. Почему его мысли должны быть недостойны литературы?

— Потому что для их выражения необходима культура.

— А разве культура принадлежит только тем, кто изучал грамматику древних авторов?

Несколько человек улыбнулись. Мужчина нахмурился.

— Вы хотите сказать, что ремесленник способен написать произведение, равное трудам Вергилия?

— Я хочу сказать, что талант не спрашивает у человека, на каком языке ему родиться.

В комнате наступила тишина.

Один из гостей вмешался, пытаясь смягчить спор:

— Но ведь латинский язык обладает огромным богатством. Разве разумно отказываться от него?

— Никто не предлагает отказываться, — ответил Данте. — Я говорю о другом. Если человек пишет на языке, которым дышит его народ, это ещё не означает, что его мысль становится менее значительной.

— Но разве народная речь не слишком ограниченна?

— Возможно, ограниченны наши представления о ней.

Теперь заговорили сразу несколько человек. Одни поддерживали Данте, другие считали его рассуждения опасным увлечением молодости. Спор продолжался почти час. Когда гости

начали расходиться, к нему подошёл пожилой человек, до этого внимательно слушавший разговор.

— Вы хорошо защищали свою мысль, синьор Алигьери.

— Благодарю.

— Но вы должны понимать: язык — это не только средство выражения. Это ещё и ответственность. Если вы намерены писать для людей, вы обязаны знать их жизнь.

— Я стараюсь.

— Стараться недостаточно. Нужно видеть больше, чем собственную комнату и круг знакомых.

Данте задумался.

— Вы советуете мне путешествовать?

Старик улыбнулся.

— Я советую вам смотреть вокруг. Иногда достаточно выйти на соседнюю улицу.

Эти слова запомнились Данте.

На следующий день он действительно отправился гулять по городу без определённой цели. Он заглядывал в мастерские, останавливался возле лавок, наблюдал за работой ремесленников, слушал разговоры людей, которые никогда не попадали в круг его обычного общения.

Он увидел женщину, споривщую с торговцем из-за цены хлеба. Увидел старого мастера, пытавшегося убедить покупателя, что его товар стоит дороже предложенной суммы. Увидел мальчика, который нёс тяжёлую корзину и едва не упал под её весом. Увидел двух мужчин, обвинявших друг друга в нарушении старой договорённости.

Всё это было обыкновенной жизнью, но теперь Данте смотрел на неё иначе.

Он понял, что мир, который ему предстояло описать, гораздо шире мира образованных бесед и красивых стихов. В нём было слишком много человеческих судеб, чтобы ограничиваться только тем, что казалось достойным поэзии.

Вечером он встретил Гвидо и рассказал ему о споре.

— И что ты решил? — спросил тот.

— Что мы слишком часто пишем о людях, которых почти не знаем.

— Наконец-то разумная мысль.

— Но как узнать их?

Гвидо пожал плечами.

— Для начала перестать считать, что ты уже всё понял.

Данте рассмеялся.

В тот вечер он вернулся к рукописи и начал писать заново. Теперь его интересовали не только чувства отдельного человека, но и то, как личная судьба переплетается с жизнью общества, как чужая несправедливость становится общей бедой и почему человек порой оказывается перед выбором, от которого невозможно уклониться.

Он ещё не знал, что совсем скоро подобный выбор встанет перед ним самим. И тогда ему придётся решить, готов ли он защищать свои убеждения не только словами, но и поступками.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ГОРОД, В КОТОРОМ КАЖДЫЙ ИМЕЛ СВОЮ ПРАВДУ

К вечеру Флоренция становилась совсем другим городом. Днём её улицы принадлежали торговцам, ремесленникам и тем, кто спешил по своим делам. Но с наступлением сумерек, когда лавки закрывались, а над крышами поднимался дым домашних очагов, на площадях и у дверей домов начинали собираться люди, для которых всякая встреча могла стать продолжением давнего спора.

Данте всё чаще замечал, что за обычными разговорами скрывается нечто большее. Люди говорили о ценах, соседях, семейных делах, но стоило кому-нибудь произнести имя влиятель-

ного горожанина, как голоса становились осторожнее. Одни замолкали, другие оглядывались, словно даже стены могли передать услышанное тем, кому не следовало знать чужих слов.

Однажды, возвращаясь домой, Данте увидел небольшую толпу возле мастерской, принадлежавшей знакомому его отца. Двое мужчин спорили с хозяином. Один из них был молод, хорошо одет и держался с той уверенностью, которую обычно приобретают не собственным трудом, а сознанием своего положения. Второй, пожилой ремесленник, стоял рядом с дверью и пытался объяснить, что его сын не виноват в случившемся.

— Ваш человек обвинил моего мальчика в краже, — говорил он. — Но никто не видел, чтобы он брал деньги.

— Он находился в мастерской, когда пропала сумма, — ответил молодой человек. — Этого достаточно, чтобы задать ему вопросы.

— Задать вопросы — не значит объявить виновным.

— Не учите меня справедливости, старик.

Последние слова прозвучали настолько грубо, что несколько прохожих остановились. Данте тоже задержался.

Он знал этого юношу по имени. Тот происходил из семьи, имевшей влияние в одном из городских кругов, и, судя по всему, привык к тому, что окружающие предпочитают не спорить с его родственниками.

— Если вы уверены в его вине, представьте доказательства, — произнёс Данте.

Молодой человек повернулся к нему.

— А ты кто такой, чтобы вмешиваться?

— Человек, который услышал обвинение.

— Тогда слушай дальше и не мешай взрослым решать свои дела.

Ремесленник посмотрел на Данте с тревогой. Он явно не хотел, чтобы из-за его сына возник новый конфликт.

— Благодарю тебя, молодой господин, — тихо сказал он. — Но не стоит. Я сам разберусь.

Данте понял, что старик боится не столько обвинения, сколько последствий сопротивления. Он хотел продолжить спор, но промолчал.

Молодой человек удовлетворённо усмехнулся и вместе со спутником ушёл.

Когда толпа рассеялась, ремесленник рассказал, что его сын уже несколько дней не возвращается домой. Его задержали по подозрению в краже, хотя никаких доказательств против него не было. Семья не имела влиятельных покровителей, а потому даже простое требование справедливого разбирательства могло обернуться новыми неприятностями.

Данте выслушал старика и почувствовал неловкость. Он не мог решить, что было тяжелее: несправедливость, совершённая сильным человеком, или молчание тех, кто видел её своими глазами.

На следующий день он встретился с Гвидо Кавальканти и рассказал ему об этом происшествии.

Гвидо слушал внимательно, не перебивая.

— И что ты сделал? — спросил он, когда Данте закончил.

— Почти ничего. Я вступился за старика, но он сам попросил меня не вмешиваться.

— Возможно, он поступил разумно.

— Разумно? Но его сына обвиняют без доказательств!

— Я говорю не о справедливости обвинения. Я говорю о цене, которую иногда приходится платить за сопротивление.

Данте нахмурился.

— Значит, следует молчать, если против тебя человек сильнее?

— Нет. Но не следует путать мужество с желанием немедленно броситься на каждого, кто поступает дурно.

Гвидо остановился и посмотрел на друга.

— Ты хочешь изменить мир, Данте, но пока ещё плохо знаешь, как он устроен. В нашем городе никто не считает себя несправедливым. Каждый находит объяснение собственным поступкам. Один защищает семью, другой — положение, третий — старые обиды. И все уверены, что именно они стоят на стороне правды.

— Но ведь правда не может принадлежать каждому.

— Не может. Однако власть над чужой судьбой часто оказывается в руках тех, кто громче всех произносит это слово.

Они некоторое время шли молча.

— А если однажды мне придётся выбирать? — спросил Данте. — Между безопасностью и тем, что я считаю правильным?

Гвидо усмехнулся, но в его улыбке не было насмешки.

— Тогда тебе придётся узнать о себе больше, чем ты узнаешь из всех прочитанных книг.

Вечером Данте долго сидел у окна. Внизу слышались голоса, скрип телеги, чей-то смех. Город жил своей обычной жизнью, словно ничего не произошло. Но теперь он видел в привычных улицах не только красоту и движение, но и невидимые границы, разделявшие людей на тех, кому позволено требовать, и тех, кому оставалось просить.

Он впервые понял, что несправедливость не всегда приходит с оружием и не всегда имеет лицо жестокого человека. Иногда она говорит спокойным голосом, ссылается на порядок и требует лишь одного — чтобы остальные не задавали лишних вопросов.

И это открытие оказалось для него гораздо тревожнее, чем любая прочитанная история.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ПЕРЕД ДОРОГОЙ, КОТОРОЙ ЕЩЁ НЕ ВИДНО

Весна пришла во Флоренцию незаметно. Сначала потеплел воздух, затем на берегах Арно появилась молодая зелень, а по утрам в открытые окна домов стали проникать запахи цветущих садов. Казалось, сама природа напоминала людям, что жизнь продолжается независимо от их тревог, обид и бесконечных споров.

Данте всё чаще покидал дом без определённой цели. Он ходил по улицам, наблюдал за ремесленниками, слушал разговоры на площадях, иногда задерживался возле церквей и старинных зданий. Ему хотелось понять не только то, как живёт город, но и почему люди, составляющие его, так редко способны услышать друг друга.

Однажды он встретил Гвидо возле небольшой книжной лавки. Тот разговаривал с хозяином, рассматривая рукопись, и, заметив Данте, пригласил его присоединиться.

— Ты стал чаще пропадать на улицах, — сказал Гвидо, когда они вышли наружу.

— Мне кажется, я слишком долго смотрел на жизнь издали.

— И что же ты увидел вблизи?

— Что она гораздо сложнее, чем мне представлялось.

— Это уже немало.

Они остановились у каменной стены, откуда открывался вид на часть города. Над крышами поднимались башни, узкие улицы уходили вниз к реке, а вдали слышался колокольный звон.

— Знаешь, Гвидо, иногда мне кажется, что человек всю жизнь ищет что-то, чему ещё не умеет дать имя.

— Возможно, он ищет самого себя.

— Но разве можно найти себя, не узнав других?

Гвидо задумался.

— Можно узнать других и всё равно остаться чужим самому себе. И наоборот. Человек иногда понимает себя только тогда, когда встречает того, кто думает совершенно иначе.

Данте улыбнулся.

— Ты опять говоришь загадками.

— Потому что ты задаёшь вопросы, на которые нельзя ответить одним предложением.

Они рассмеялись.

В тот день Данте впервые за долгое время почувствовал, что дружба не обязательно должна быть утешением. Иногда настоящий друг нужен именно для того, чтобы не позволять тебе слишком легко соглашаться с собственными мыслями.

В последующие недели он продолжал писать. Некоторые строки казались ему удачными, другие он без сожаления перечёркивал. Он больше не стремился сделать каждое стихотворение прекрасным. Ему хотелось, чтобы оно было правдивым, даже если эта правда оказывалась несовершенной.

Однажды Гвидо прочёл несколько новых строк и вернул рукопись.

— Лучше, — произнёс он.

— Только лучше?

— Ты ожидал, что я объявлю тебя величайшим поэтом Флоренции?

— Не исключено.

— Тогда придётся тебя разочаровать.

Данте рассмеялся.

— Что изменилось?

— Ты стал меньше говорить о том, что чувствуешь, и больше показывать, почему именно это чувство возникло. Это труднее. И гораздо интереснее.

Данте взял рукопись.

— Значит, я на правильном пути?

— Не знаю. Но по крайней мере ты перестал стоять на месте.

Они простились ближе к вечеру.

Данте направился домой, проходя мимо домов, где за открытыми окнами горел свет. Где-то ужинала семья, где-то мать укладывала ребёнка, где-то мужчина возвращался после тяжёлого дня и ещё издали слышал голос жены. Эти простые картины неожиданно тронули его. Он подумал о том, что за каждым окном существует отдельная человеческая история, почти никогда не известная тем, кто проходит мимо.

И, возможно, именно из таких историй складывается настоящая жизнь города.

В тот вечер он достал чистый лист бумаги и долго не мог начать. Перед ним лежало всё, что он уже знал: детские воспоминания, первая встреча с Беатриче, дружба с Гвидо, радость и разочарование, вопросы о справедливости, которые не давали покоя. Но теперь он понимал, что впереди его ждёт не только продолжение прежних переживаний. Ему предстояло столкнуться с жизнью, в которой личные желания неизбежно будут пересекаться с судьбами других людей.

Он ещё не знал, какие решения однажды придётся принять, какие дороги окажутся закрытыми и сколько потерь будет стоить ему право оставаться самим собой. Не знал и того, что город, который он так любил, однажды станет для него местом изгнания.

Пока же Флоренция оставалась его домом. Здесь жили его близкие, здесь находился его друг, здесь каждая улица хранила воспоминания, которые он не хотел терять. И где-то среди этих улиц продолжала существовать Беатриче — женщина, чьё присутствие в его жизни давно перестало зависеть от возможности встречи.

Данте наконец коснулся пером бумаги и начал писать.

За окном медленно темнело. Арно отражала последние отблески вечернего неба, и город постепенно погружался в тишину.

Он ещё не знал, что впереди его ждёт время больших испытаний. Но уже чувствовал: поэзия не сможет остаться для него только убежищем от действительности. Рано или поздно

ему придётся выйти навстречу самой жизни — со всеми её противоречиями, соблазнами, потерями и надеждами.

Так заканчивалась одна пора его жизни и начиналась другая. Не по воле судьбы, объявившей о себе громким голосом, а почти незаметно — как начинается дальняя дорога, когда человек ещё стоит у порога собственного дома.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВРЕМЯ ВЫБОРА
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ДОМ, КОТОРЫЙ СТАНОВИТСЯ СУДЬБОЙ

Годы не всегда заметно меняют человека. Иногда он просыпается однажды утром и обнаруживает, что прежние заботы уже не занимают его так, как прежде, а вопросы, которые казались далёкими, вдруг требуют ответа. Данте всё чаще ловил себя на мысли, что юность, с её безграничными ожиданиями и свободой, постепенно отступает. Впереди возникала жизнь, в которой недостаточно было размышлять о справедливости и писать стихи. Нужно было отвечать за собственные решения.

Флоренция конца восьмидесятых годов XIII века жила напряжённо. Город богател, расширялся, строил новые здания, торговал с другими землями, но за внешним благополучием скрывалось соперничество влиятельных семейств. Одни стремились укрепить своё положение, другие боялись его потерять. Политические разногласия проникали даже в семейные разговоры, а старые обиды порой передавались детям вместе с именами и наследством.

Данте уже не был тем юношей, который когда-то впервые вступил в спор со старшим собеседником о достоинстве народного языка. Его стихи становились известны в определённом кругу флорентийских любителей поэзии, с ним советовались, его мнение иногда вызывало споры. Однако известность не приносила ему ни богатства, ни уверенности в будущем.

Ему предстояло устроить собственную жизнь.

Вопрос о браке не возник внезапно. Семейные связи в те времена имели значение, которое трудно сравнить с современными представлениями. Брак соединял не только двух людей, но и дома, интересы, обязательства. Данте знал Джемму Донати — девушку из влиятельной флорентийской семьи. Их помолвка и последующий брак были частью той жизни, в которую он постепенно вступал.

Он не относился к этому решению легкомысленно. В нём было немало сомнений, но он понимал: человек не может бесконечно оставаться наблюдателем собственной судьбы.

Однажды вечером отец заговорил с ним о будущем.

— Ты уже не мальчик, Данте, — сказал он, откладывая в сторону бумаги. — У каждого возраста свои обязанности.

— Я знаю.

— Знать недостаточно. Нужно быть готовым их принять.

Данте некоторое время молчал.

— А если человек не уверен, что сможет сделать другого счастливым?

Отец внимательно посмотрел на сына.

— Тогда ему следует прежде всего понять, что счастье другого человека не может быть только его собственной заслугой. Нельзя обещать того, чем не распоряжаешься. Но можно обещать честность, уважение и верность.

— А если этого окажется мало?

— В семейной жизни многое оказывается не таким, каким представлялось до неё. Но разве это причина отказаться от жизни?

Данте опустил глаза. Ответ отца был прост, почти суров, однако в нём не было равнодушия.

Позднее он встретился с Гвидо и рассказал ему о предстоящих переменах.

— Значит, поэт собирается стать семейным человеком, — заметил тот.

— Разве одно исключает другое?

— Нет. Но я опасаюсь, что однажды ты начнёшь сочинять стихи о домашних обязанностях.

— А ты, вероятно, будешь критиковать их с ещё большим удовольствием.

Гвидо рассмеялся.

— Разумеется. Друзья существуют не только для того, чтобы восхищаться твоими стихами.

После короткой паузы Данте спросил:

— Ты когда-нибудь думал, что любовь и семейная жизнь могут оказаться совершенно разными вещами?

Гвидо посмотрел на него серьёзно.

— Конечно. Но это не означает, что одна из них ложная, а другая настоящая. Просто человек должен научиться различать чувство, мечту и ответственность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.